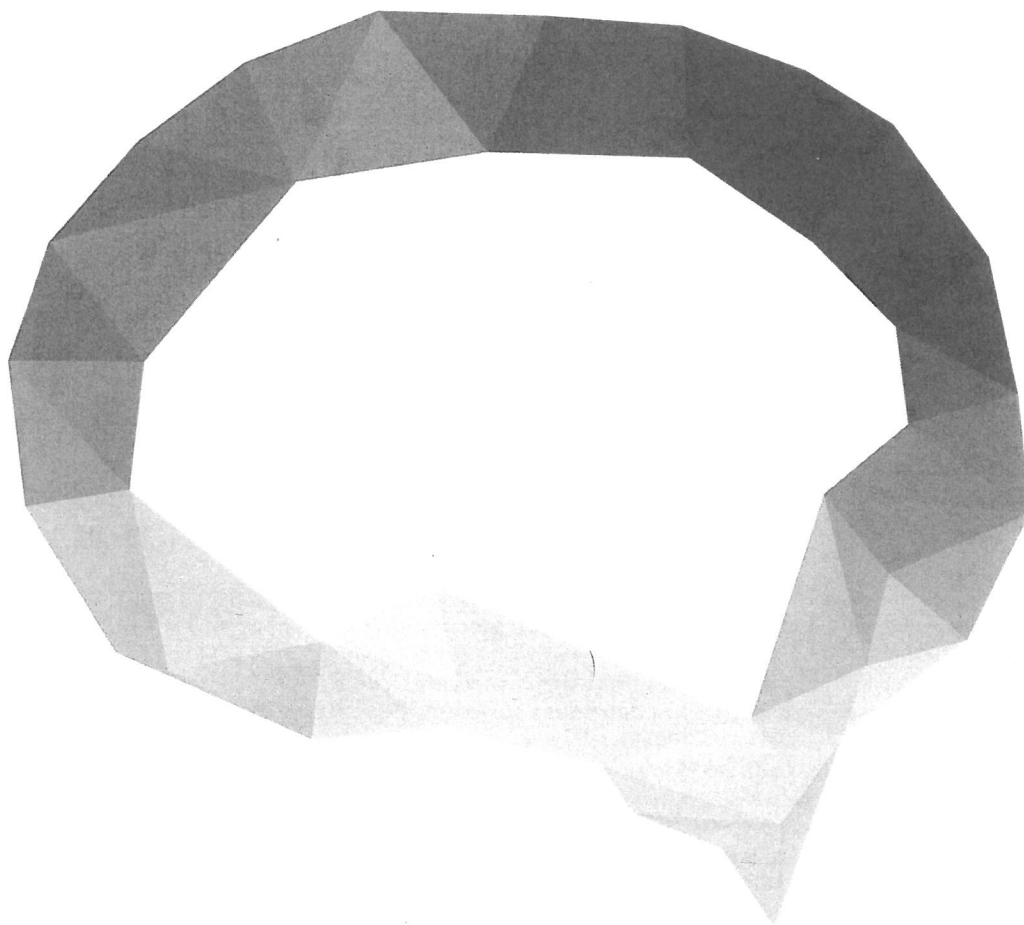

ТРУДНЫЙ ШАГ НА ПУТИ К ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМУ ПРАВОСУДИЮ

Катрин ЛАУВАРЬЕ

Восстановительное правосудие в директиве N 2012/29/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об установлении минимальных стандартов в отношении прав, поддержки и защиты жертв преступлений»

*Статья впервые опубликована в журнале «Restorative Justice: An International Journal» издательства «Bloomsbury Publishing Plc (Hart Publishing Ltd)».

В Европе вопросы использования восстановительного правосудия давно уже перешли из теоретической области в область повседневной практики. Однако регулировать эту практику должны законы, функции которых в объединенной Европе сегодня исполняют соответствующие директивы Европейского парламента и совета Европейского Союза. Они разрабатываются таким образом, чтобы быть исполнимыми для всех государств, входящих в союз. В этом, однако, и их слабость – поскольку для одних стран, где, например, практики восстановительного правосудия (ВП) более развиты, такой закон рискует оказаться ненужной формальностью, в то время как чиновники другой страны, не имеющей подобного опыта в области ВП, будут лишь имитировать деятельность по исполнению нового закона. Однако год за годом законодательство Евросоюза, в том числе и в области восстановительного правосудия, совершенствуется, и одному из шагов на этом пути посвящена предлагаемая Вашему вниманию статья. Она, кроме всего прочего, может быть интересна нам и тем, что наглядно демонстрирует масштаб и серьезность намерений по включению практик восстановительного правосудия в правовое пространство сегодняшней Европы.

Введение

Уже достаточно давно в Европе существуют разные международные инструменты защиты прав жертв преступлений, но в связи с их слабым или сугубо рекомендательным характером в этом контексте остаются серьезные вопросы. Более всего это касается рамочного решения Европейского Союза (здесь и далее РР) о статусе потерпевших в уголовных процессах, которое вплоть до 2012 года было единственным положением, имеющим отношение к восстановительному правосудию (здесь и далее ВП).

Директива Совета Евросоюза от 2012 года предоставляет жертвам преступлений больше прав, но её реальное влияние ещё предстоит выяснить. Данные «заметки с полей» представляют собой краткое введение в эту директиву. Задача заметок – продемон-

стрировать то, что положение о ВП в директиве Совета практически полностью направлено на предоставление жертвам преступления, ставшим участниками программ ВП, безопасности и защиты их от вторичной и повторной виктимизации, от запугивания и мести.

Право на равный доступ к ВП, столь необходимое для дальнейшего развития ВП в Европе, явным образом не обозначено в данной директиве. Между тем уровень доступности может быть повышен с помощью информирования о ВП, предоставления бесплатных услуг, упрощения доступа, а также процедур, предусматривающих самостоятельное обращение, и расширения круга тех, кто имеет право обращаться за услугами в рамках ВП. В данной статье мы анализируем, в какой степени Директива Совета ЕС отвечает на эти важные для развития ВП вопросы.

Восстановительное правосудие в предыдущем законодательстве ЕС

Вплоть до 2012 года единственным положением ЕС, ссылающимся на ВП, было рамочное решение от 15 марта 2001 года о статусе жертв в уголовном процессе (РР). В статье 10 РР направление на медиацию упоминается в качестве санкции в ходе уголовного процесса, и устанавливается, что все государства-члены ЕС «должны способствовать медиации в уголовных делах в связи с правонарушениями, где такого рода меры будут уместны» (статья 10.1). Более того, в статье указано, что государства-члены ЕС «должны обеспечить принятие во внимание соглашения между правонарушителем

2001/220/JBZ.

и потерпевшим, достигнутым в ходе медиации по уголовным делам» (статья 10.2).

Таким образом, с помощью РР ВП было впервые введено в юридически обязывающий текст, прямо применимый во всех государствах – членах Европейского Союза. Влияние положения о ВП в контексте РР, тем не менее, ограничивалось разными факторами. Во-первых, в статье 10 речь идёт только о применении медиации в процессе уголовного судопроизводства. Другие подходы, такие, как конференции или медиация на стадии исполнения наказания, не были включены в список возможных для применения на практике. Во-вторых, «медиация в уголовных делах» была довольно узко определена как «поиск до или во время процесса уголовного судопроизводства решения путем переговоров между потерпевшим и правонарушителем при посредничестве компетентного лица» (статья 1). Акцент на работе в направлении «решения, достигнутого путём переговоров» в достаточной мере не отражает того разнообразия человеческих проявлений, которое может возникнуть в содержательной части процесса медиации между потерпевшим и правонарушителем. Успешная медиация может, например, содержать в себе такое общение между жертвой и обидчиком (при участии медиатора), в ходе которого обидчик признаёт и объясняет свое поведение в ситуации преступления и даёт возможность жертве получить ответы на волнующие её вопросы. Это может произойти как с письменным соглашением, так и без него. В-третьих, ограниченные обязательства государств-членов, заключающиеся в том, чтобы просто «стимулировать» медиацию в «подходящих» делах, дают государствам-членам полный карт-бланш, чтобы действовать минимально, сводя применение ВП только к малозначительным пре-

ступлениям и исключая эту возможность в случае более серьёзных преступлений, как, например, сексуальное или домашнее насилие. В-четвёртых, расплывчатость и открытая формулировка обуславливала более общую проблему прав и обязательств в контексте РР. В-пятых, неудовлетворительное выполнение этих требований было установлено в результате разных экспертных отчётов, опубликованных комиссиями (2004 и 2009 года) и независимыми исследовательскими институтами (2009). Однако комиссия в своих докладах могла только поименно перечислить и пристыдить тех, кто не следовал требованиям, ввиду отсутствия у нее полномочий к принуждению к соблюдению обязательств. Тем временем права жертв стали одним из приоритетов в повестке Евросоюза – как можно увидеть из Стокгольмской программы (2009) и Будапештской дорожной карты (2011). Кроме того, Лиссабонский договор предоставил юридические основания для принятия решительных мер в сфере прав жертв преступлений (Lauwaert, 2011). Учитывая все эти факторы, комиссия сочла необходимым принять меры и подготовила заявку на постановление, определяющее минимальные стандарты по обеспечению прав,

поддержке и защите жертв, которое заменит РР 2001 года. Важнейшие цели этого постановления – обеспечение жертв большей защитой, закрепление посредством правового документа, имеющего законную силу, более конкретных прав и обязательств для юридических лиц, осуществляющих деятельность в этой сфере. Для наилучшего понимания положения о ВП в рамках директивы 2012 года отсылки к РР 2001 года недостаточно. Также необходимо упомянуть рекомендацию Совета Европы по медиации в уголовных делах 1999 года, которая очевидным образом послужила основой для многих положений директивы, касающихся ВП. Содержание этого, появившегося почти 15 лет назад (и носящего рекомендательный характер) документа до сих пор выдерживает испытание временем.

Директива от 2012 года о защите прав жертв

Директива 2012/29/ЕС, устанавливающая минимальные стандарты в области поддержки и защиты прав жертв преступлений и приходящая на смену рамочному решению Совета Евросоюза 2011/220/JH (директива «О жертвах» от 2012 года) была принята 25 октября 2012 года.

COM(2004) 54 итоговый
и COM(2009) 166 итоговый.

Центр изучения демократии, Законодательство ГЧ, национальные политики, практики и подходы к работе с жертвами: итоговый доклад (София, Болгария, 2009); АРАУ, Проекты по работе с жертвами в Европе: Реализация РР о статусе потерпевших в ситуациях уголовного преступления в ГЧ (Лиссабон, 2009).

COM(2011) 275 окончательный вариант.

Рекомендация R(99)19 о медиации по уголовным делам, принятая комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 года и пояснительная записка.

Опубликовано в официальном журнале Евросоюза 14 ноября 2012 года.

Катрин Лауварье – координатор по исследованиям в Европейском форуме по восстановительному правосудию и исследователь в институте криминологии Лёвена, Бельгия (LINC).

Директива содержит 32 статьи, разбитые на 6 глав, касающихся общих целей и определения ключевых понятий (глава 1), положения об информации и поддержке (глава 2), участия в уголовном судопроизводстве (глава 3), защиты жертв и распознавания жертв с особыми потребностями в защите (глава 4), обучения практиков, сотрудничества и взаимодействия служб (глава 5), вопросов реализации (глава 6).

Данная статья не является попыткой глубокого и целостного анализа директивы, а направлена в большей степени на исследование положений этого документа, относящихся к ВП и его доступности. Тем не менее для того, чтобы оценить значимость и место ВП в общей картине данной директивы, важно указать на некоторые из его основных характеристик.

Директива применима в случае уголовных преступлений, совершённых на территории Евросоюза и уголовного судопроизводства в Евросоюзе независимо от того, является ли человек, оказавшийся жертвой этого преступления, гражданином Евросоюза или нет (пункт 12). Термин «уголовное судопроизводство» понимается в широком смысле – как начинающееся в момент написания заявления или в момент, когда государственные

органы инициируют уголовное судебное разбирательство (пункт 22). Понятие «жертва/потерпевший» также понимается широко. Это в первую очередь физические лица, которым в результате уголовного преступления нанесён вред – физический, психический, эмоциональный или материальный. Пострадавшие вследствие гибели в результате уголовного преступления родного человека члены семьи также рассматриваются как «жертвы/потерпевшие» в рамках данной директивы (статья 2.1 (а)).

Несмотря на упоминание в пункте II, что директива позволяет государствам-членам в целях обеспечения более высокого уровня защиты брать на себя больше полномочий, чем предписано в директиве, наблюдатели, которые были вовлечены в процесс разработки директивы и оценки РР, указали, когда комиссия выступила со своим предложением, что этот текст «представляет собой значительный шаг в сторону обеспечения и защиты прав жертв на высочайшем уровне» (Pemberton & Groenhuijsen, 2012). Это очень многообещающий инструмент, потенциально значительно более полезный, чем уже существующие на сегодняшний день подобные инструменты даже в самых продвинутых государствах-членах

(здесь и далее ГЧ). В сравнении с РР в директиве большее количество статей. Существующие полномочия были расширены и детализированы, а также некоторые права жертв были впервые прописаны. Были представлены новые инструменты для более эффективной их реализации. Одной из важнейших особенностей тут является выбор «индивидуального подхода» в отношении жертв. В связи с этим директива обязывает ГЧ обеспечить уважительное отношение к жертвам и удовлетворение их потребностей на основе индивидуальной оценки.

Право понять и быть понятым (статья 3) и право на доступ к службам поддержки жертв преступлений, уже ранее существовавшие в РР, были расширены. Среди новых прав и обязанностей представлены право на пересмотр решения о возбуждении уголовного дела (статья II), право жертвы на защиту во время уголовного расследования (статья 20) и индивидуальную оценку и определение специфических потребностей жертвы в защите (статья 22). Это последнее положение подчёркивает индивидуальный подход к жертвам преступлений и рассматривается в качестве одного из основных достижений директивы.

Несмотря на довольно впечатляющие перспективы на первый взгляд, при внимательном прочтении можно увидеть, что некоторые положения оставляют ГЧ место для своего рода дрейфа/уклонения от ценностных ориентиров, особенно в отношении некоторых прав процессуального характера. Финансовые затраты в соответствии с определёнными обязательствами (например, обязательство предоставить переводчика) стали одной из причин для поиска своего рода «путей отхода». Но ещё более важным момен-

честве участника процесса (Buczma, 2013). Различные положения в директиве квалифицируются в соответствии с национальным законодательством, как в плане права, так и в плане поиска соответствующей процедуры для его применения (Blackstock, 2012). В последующем положении говорится, что правоприменение будет осуществляться «согласно с ролью жертвы в соответствующей системе уголовного правосудия». На практике это означает, что роль жертвы в соответствующей системе уголовного правосудия будет

струменты для реализации описанных в директиве прав жертв. Во-первых, повышению эффективности способствовало введение обязательства предоставления информации жертвам обо всех этих правах без ненужной задержки после первого же дня контакта жертвы с компетентными органами (на практике это чаще всего полиция) (статья 4). Смысл состоит в том, что жертвы смогут воспользоваться своими правами только если хорошо осведомлены о них.

Кроме того, гораздо больший упор делается на подготовку специалистов, которые чаще вступают в контакт с жертвами. Государственные работники, такие, как полицейские и работники суда, должны получать и общую и специальную подготовку, чтобы повысить свою осведомлённость о потребностях жертв и научиться взаимодействовать с жертвами в беспристрастной, уважительной и профессиональной манере. ГЧ должны предоставлять, рекомендовать и поощрять такое повышение квалификации для судей, прокуроров по уголовным процессам, адвокатов, членов группы поддержки жертв и структур восстановительного правосудия (статья 25). Более того, ГЧ настоятельно рекомендуется обмениваться опытом лучших практик, консультировать по отдельным делам и сотрудничать с Европейскими ассоциациями по вопросам, связанным с правами жертв преступлений (Статья 26.1).

С учётом крайнего срока для соблюдения условий директивы, который наступает 16 ноября 2015 года, ГЧ имеют разумный трёхлетний период для того, чтобы внести необходимые изменения в национальные законы, правила и административные положения (статья 27.1). Хотелось бы надеяться,

Развитие ВП как сбалансированного подхода, служащего интересам в равной степени как потерпевших, так и правонарушителей, соответствует интересам общества, особенно в долгосрочной перспективе

том, направившим переговоры в этом направлении, стал фактор разницы уголовных правовых структур ГЧ и того места, которое в них занимает потерпевший. В некоторых ГЧ жертвы могут иметь правовой статус в качестве гражданского истца, в других они могут выступать только в качестве свидетеля, тогда как в третьих ГЧ они могут играть самую активную роль в уголовном судопроизводстве, например, посредством (victim impact statements) заявлений потерпевшего о пересмотре, не имея правового статуса в ка-

определять направление и степень реализации ключевых прав жертв, описанных в директиве (Buczma, 2013). К примеру, это относится к статье 6 о праве на получения информации по чьему-либо делу, статье 7 о праве на перевод, статье 11 о праве на пересмотр решения о возбуждении уголовного дела, статье 14 о праве на компенсацию расходов.

Основываясь на опыте отчётов об эффективности исполнения РР, Еврокомиссия, очевидно, приложила больше усилий, чтобы предоставить более эффективные ин-

что более серьёзный правовой статус директивы в сравнении с РР окажет большее воздействие на ГЧ в плане соответствия предписанным стандартам. После истечения этого срока в тех странах, где директива станет ясной и безусловной, физические лица смогут опираться на неё во взаимоотношениях с государством. Еврокомиссия может возбудить дело о несоблюдении против любого ГЧ, не выполнившего свои обязательства. Любой гражданин может подать жалобу по поводу неудовлетворительной реализации положений директивы. (Buczma, 2013; Doak & Taylor, 2013; Pemberton & Groenhuijsen, 2012).

Наконец, в ряде случаев Еврокомиссия прямо заявляет о своём намерении активно поддерживать процесс реализации директивы, организуя экспертные комитеты и рабочие группы для того, чтобы придать импульс этой деятельности и поддержать власти ГЧ. Данные обещания, касающиеся эффективной реализации директивы, однако, могут встретить противодействие в связи с менее оптимистичными соображениями. Как указали Пембертон и Гронхуйсен (Pemberton and Groenhuijsen, 2012) существуют разные «миры соблюдения» законодательных требований Евросоюза. В то время как в некоторых странах существует традиция эффективных изменений и приведения их в исполнение, другие государства, относящиеся к «миру мёртвых писем», склонны делать быстрые и буквальные перестановки в соответствующих структурах без эффективной реализации изменений на практике. Такого рода явления можно заметить в том числе и в области обеспечения прав жертв. Эффективность реализации директивы будет с высокой степенью

вероятности зависеть от наличия или отсутствия в ГЧ «дружественного жертве климата» и связанного с этим фактором присутствия сильных организаций, работающих с жертвами, которые способны лоббировать и усиливать тренд в пользу защиты прав потерпевших. В то же время страны из мира «мёртвых писем» склонны к относительно слабой реализации позиции в отношении работы с жертвами преступлений. Таким образом, существует риск того, что этот новый и более требовательный законодательный акт приведёт к ещё большему разрыву между теми ГЧ, где уже есть «дружественный жертвам климат» и теми, в которых его нет. (Pemberton & Groenhuijsen, 2012).

Восстановительное правосудие в директиве 2012 года о защите прав жертв

Так какова же роль идей ВП в данной директиве на фоне более общего анализа, сделанного выше? В целом влияние идей ВП при подготовке директивы оказалось более серьёзным, чем при написании РР, что проявилось в более ясном описании выгод и благ для потерпевших, адекватном определении услуг ВП и рекомендации информировать потерпевших о доступности этих услуг. Однако, к сожалению, основное положение (статья 12) посвящено исключительно гарантиям безопасности для жертв, принимающих участие в программах ВП. Несмотря на безусловную важность этих гарантий, они скрывают ещё более насущную потребность в повышении доступности услуг ВП. Ограниченная доступность услуг ВП – это, вероятно, самое серьёзное препятствие для дальнейшего раз-

вития ВП в ближайшем будущем. А ведь несмотря на все усилия законодатели Евросоюза и ГЧ до сих пор так и не сделали доступность услуг ВП приоритетным направлением.

Признание выгод восстановительного правосудия для жертв преступлений

В пункте 46 прямо говорится, что «услуги восстановительного правосудия, включая, например, медиацию между жертвой и обидчиком, семейные групповые конференции и круги сообществ, направленные на поиск решения и определения наказания, могут приносить потерпевшему серьёзную пользу». Это признание ценности программ ВП для жертв преступлений, убедительно подтвержденной на практике и в исследованиях последнего времени, является политически важным. Кроме того, таким образом получил справедливое отражение тот факт, что восстановительное правосудие в Европе не сводится лишь к медиации между потерпевшим и обидчиком, но охватывает более широкий спектр восстановительных практик. ВП и услуги ВП являются ключевыми терминами, используемыми в директиве, в то время как в РР использовалось более узкое понятие «медиации в уголовных делах».

Определение ВП

В статье 2.1 (д) даётся следующее определение:

Восстановительное правосудие обозначает любой процесс, в котором потерпевший/жертва и обидчик/правонарушитель, при условии их добровольного согласия получают возможность при помощи третьей беспристрастной стороны активно участвовать

в разрешении вопросов, возникших вследствие правонарушения/преступления.

Это открытое определение, подразумевающее возможность реализации как прямых/полноценных, так и не прямых/редуцированных процессов/программ ВП и не сводящееся лишь к достижению соглашения. Это определение взято из рекомендации R (99) 19 Совета Европы, которая устанавливает, что «медиация – это процесс, в котором участвуют потерпевший/жертва и обидчик/правонарушитель, при условии, что их участие является добровольным, активным и направленным на разрешение

программы ВП (непрямую медиацию). В свете современной практики и целей ВП это казалось крайне проблематичным и нежелательным. Будучи принятой в качестве окончательной, эта формулировка исключала бы возможность такой практики, в которой общение между обидчиком и жертвой организовано не посредством прямого контакта лицом к лицу, а в формате так называемой челночной медиации с возможным использованием писем или видеосообщений. Между тем нет никакого сомнения, что такие практики также могут привести к удовлетворительным для участни-

Право на получение информации об услугах ВП при первом контакте с компетентными органами

Статья 4 обязывает ГЧ обеспечить потерпевших информацией о доступных услугах ВП без всяких препятствий и задержек, при первом их контакте с компетентными органами (статья 4.1 (j)).

Степень детализации информации может быть разной в зависимости от конкретных потребностей и личных обстоятельств потерпевшего, типа и природы правонарушения, жертвой которого он стал. Дополнительные детали также могут быть предоставлены на последующих этапах в зависимости от потребностей жертв и актуальности на каждом этапе уголовного процесса таких деталей. (статья 4.2)

С точки зрения доступности услуг ВП – в тех ГЧ, где они вообще существуют – это положение безусловно является шагом вперед. Оно выражает четкую позицию по вопросу, насколько приемлемо и полезно информировать потерпевших о возможностях ВП сразу вскоре после совершенного преступления. Органы уголовного правосудия и службы поддержки жертв преступлений были крайне осторожны, если не сказать боязливы, в сообщении потерпевшим такой информации, основываясь на идее о том, что для потерпевших это может быть крайне шокирующим. Однако исследования и практика показали, что само по себе предоставление информации о подобных услугах является безвредным и даёт возможность потерпевшим впоследствии запросить больше информации в случае своей заинтересованности во взаимодействии с обидчиком.

Повысит ли это на практике доступность услуг ВП, будет зависеть от того, станет ли

Статья 4 обязывает обеспечить потерпевших информацией о доступных услугах ВП без всяких препятствий и задержек при первом их контакте с компетентными органами

тех вопросов, которые возникли вследствие правонарушения/преступления, при помощи третьей беспристрастной стороны (медиатора)».

В первоначальном предложении комиссии определение давалось услугам ВП (а не самому ВП). Оно касалось в первую очередь достижения соглашения, и по сути исключало редуцированные

ков результатам. В частности, в случае очень серьезных преступлений, когда жертва не готова к личной встрече с обидчиком, челночная (непрямая заочная) медиация позволяет ему или ей передавать и получать сообщения от обидчика другим способом. Как уже говорилось выше, акцент на достижении соглашения не отражает всего разнообразия человеческих проявлений и, следовательно, успешных медиативных практик, которые могут быть направлены исключительно на обмен информацией и на само общение между сторонами (не обязательно ведущее к соглашению).

Рекомендация R (99) 19 по медиации в уголовных делах, принятая Комитетом Министров Совета Европы в сентябре 1999 года, и пояснительная записка.

эта информация реально предоставляется и каким образом. Существуют различные способы донести информацию до участников уголовного процесса: простое обозначение услуг ВП с контактными данными на официальных бумагах, предоставление более подробной информации в виде брошюр, или отдельное упоминание такой возможности при непосредственном контакте с потерпевшим. Пункт 21 даёт следующие рекомендации по эффективным стратегиям:

Информация и рекомендации, дающиеся компетентными органами, службами поддержки жертв преступлений и организациями, занимающимися практиками восстановительного правосудия, должны быть по возможности предоставлены посредством различных каналов

и понятным для потерпевших способом. Такого рода информация и рекомендации должны быть предоставлены на понятном и доступном языке.

Одной из тем обучения, предписанных статьей 25 данной директивы, является тренинг навыков и технологий предоставления такой информации.

Право на получение гарантий безопасности в контексте услуг восстановительного правосудия

Тщательно проработанная статья 12 директивы – единственная статья, полностью посвящённая ВП. Статья обязывает ГЧ принять меры для защиты жертв от вторичной и повтор-

ной виктимизации, запугивания и мести за счёт предоставления гарантий безопасности и качества оказываемых услуг ВП.

Меры безопасности, которые ГЧ обязуются соблюдать, относятся ко всем хорошо известным принципам ВП, таким, как добровольность участия и конфиденциальность процесса.

В директиве правомерно различаются три основных аспекта добровольного участия. Во-первых, потерпевший свободно принимает решение об участии на основе полной и объективной информированности о процессе и осознанного согласия с ним, понимания потенциальных результатов и процедуры контроля за исполнением соглашения (статья 12.1 (b)). Во-вторых, согласие участвовать может быть анну-

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ЮРИСТОВ

ОНЛАЙН-СЕМИНАРЫ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СДЕЛОК:

реформа ГК РФ, судебная практика и сопровождение корпоративных процедур и сделок

Онлайн, 2 февраля - 20 марта

РЕФОРМА ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ:

комментарии к основным новеллам
ГК РФ 2013 - 2015 гг.

Онлайн, 6 апреля - 29 мая

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА И СДЕЛОК С НИМ:

реформа ГК РФ, комментарии к судебной практике и анализ актуальных практических вопросов

Онлайн, 1 июня - 10 июля

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПРОГРАММЫ

КОМПЛЕКСНОЕ ДОЛГОСРОЧНОЕ ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ЮРИСТОВ

Москва, 16 февраля - 30 июня (4,5 месяца)

ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

Москва, 24 февраля - 15 мая (2 месяца)

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Москва, 3 марта - 22 апреля (1,5 месяца)

РЕФОРМА ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ

Москва, 11 марта - 10 апреля (1 месяц)

МЛОГОС
юридический институт

ЛЕКЦИИ ЧИТАЮТ:

Витрянский В. В., Егоров А. В., Бевзенко Р. С., Карапетов А. Г.,
Шаткина И. С., Храбров В. В., Сидоровский К. И. и др.

тел.: +7 (495) 771 59 21
+7 (495) 772 91 97
e-mail: info@m-logos.ru
<http://www.m-logos.ru>

лировано потерпевшим в любой момент (статья 12.1 (а)). Наконец, соглашение должно быть достигнуто добровольно (статья 12.1 (d)). Требование директивы в отношении ГЧ предоставить жертвам информацию о процедуре контроля за исполнением соглашения разительно отличается по степени строгости от предыдущих законодательных актов по ВП, таких, как, например, рекомендация Совета Европы 1999 года о медиации по уголовным делам.

довано: «если того требует национальное законодательство в связи с преобладанием общественного интереса». Такая формулировка звучит расплывчато. Согласно пункту 46, «такие факторы, как угрозы или какие-либо формы насилия, проявленные в процессе реализации программы, могут быть рассмотрены в качестве повода для снятия конфиденциальности в интересах общества». Итак, основной целью тут видится предотвращение определенного пове-

сти, медиатор может сообщить в компетентные органы любую озвученную в процессе медиации информацию о готовящихся или потенциально возможных тяжких преступлениях» (Статья 30).

Требование позаботиться о вопросах безопасности до начала программы ВП (Статья 12.1 (a)) является адекватным. Вряд ли можно было предположить, что практикующие специалисты не рассматривали бы такие вопросы, как важный аспект подготовительной работы, но нет никакого вреда в том, чтобы в интересах жертв обратить на это дополнительное внимание.

В соответствии с директивой, программа ВП возможна лишь в случае, если «правонарушитель/обидчик признает основные факты по делу» (Статья 12.1 (c)). А что касается раскаяния и признания вины, то требования относительно этих вопросов уже давно являются предметом бурных обсуждений в литературе и праве. С точки зрения права принято считать, что из юридического условия, заключающегося в том, «что обвиняемый не отрицает своей причастности к фактической стороне дела» следует, что обидчик отказывается от права на молчание и применения к себе принципа презумпции невиновности. И то, что после того, как человек, имеющий статус правонарушителя, соглашается на это условие, а медиативное соглашение не приводит к прекращению уголовного преследования правонарушителя, некоторыми участниками дискуссии считается неприемлемым (Vervoir, 2008). В то же время с психологической точки зрения утверждалось, что только полное признание обидчиком своей вины должно рассматриваться как необходимое условие для участия потерпевшего в медиации (Pemberton, 2003). В директиве отражена

Ограниченные обязательства государств-членов, заключающиеся в том, чтобы просто «стимулировать» медиацию в «подходящих» делах, дают государствам-членам полный карт-бланш, чтобы действовать минимально, сводя применение ВП только к малозначительным преступлениям

Условие, что «все обсуждения, происходящие в процессе непубличных программ ВП должны быть конфиденциальными и впоследствии не разглашаться, кроме как с согласия сторон» (статья 12.1 (e)) является стандартной интерпретацией принципа конфиденциальности в программах ВП. Помимо «согласия сторон» в директиве появляется еще одно условие, при котором содержание происходящего во время программ ВП может быть обнару-

жения со стороны обидчика/правонарушителя и злоупотребления им под предлогом конфиденциальности программы ВП с целью повторной виктимизации, угроз и мести – именно того, что запрещается статьей 12. Также имеет смысл упомянуть о ситуациях, когда может зайти речь о подготовке тяжких преступлений. Рекомендация Совета Европы R(99)19 о медиации в уголовных делах устанавливает в связи с этим: «Несмотря на принцип конфиденциально-

компромиссная между этими двумя точками зрения позиция, которая основана на практическом опыте (Lauwert, 2008). Признания вины не требуется, необходимо только признание основных фактов дела. Это подтверждает отраженную в Рекомендации Совета Европы от 1999 года позицию, в которой говорится, что без такого общего понимания, возможность достижения соглашения в результате медиации, если и существует, то сильно ограничена (Пояснительная заметка, 28). Это очень важно для практической деятельности. Неотрицание обвиняемым полностью всех фактов дела видится в таком случае минимально необходимым требованием. Таким образом, признание обидчиком своей причастности к тому, что произошло, или частичное раскаяние может быть достаточным условием для того, чтобы приступить к процессу реализации программы ВП.

Положение, что «любое соглашение может быть принято к сведению при каком-либо дальнейшем развитии уголовного процесса» (Статья 12.1 (d)) является почти идентичным аналогичному положению РР. Несмотря на то, что такая формулировка звучит достаточно беззубо, она всё же ценна тем, что сохраняет связи между процессом ВП и уголовным судопроизводством, не давая ВП превратиться в полностью независимый процесс. Благодаря этому усилия потерпевшего и обидчика могут быть учтены в уголовном процессе.

В Статье 12.1 (a) утверждается, что программа ВП может проводиться только в интересах потерпевшего. На первый взгляд, кажется, что это требование введено для предотвращения использования жертвы в ориентированных на обидчика процессах ВП. Это является давним и до сих пор ак-

туальным вопросом (Aertsen, 2004; Stutzman Amstutz, 2004). То, что медиацию или конференцию не следует организовывать в случае, если это противоречит интересам жертвы, соответствует здравому смыслу. В одном из пунктов Директивы, однако, делается ещё один шаг в этом направлении: услуги ВП «должны быть в первую очередь ориентированы на интересы и потребности жертвы, восстановления нанесённого жертве вреда и избегание дальнейшего нанесения вреда кому-либо ещё» (пункт 46). Несмотря на то, что такая позиция частично объясняется связанным с правами жертв преступлений контекстом Директивы, следует подчеркнуть, что одной из ключевых идей ВП является поиск сбалансированного подхода, стремящегося к такому реагированию на преступление, которое будет учитывать и удовлетворять интересы как жертвы, так и обидчика. Следование подходу, ориентированному только на интересы жертвы, кажется нам недалёковидным. Развитие ВП как сбалансированного подхода, служащего интересам в равной степени как потерпевших, так и правонарушителей, соответствует интересам общества, особенно в долгосрочной перспективе.

Является ли доступность услуг ВП приоритетом в директиве?

Как уже говорилось выше, положение директивы, посвящённое ВП, в основном касается вопросов безопасности жертв и защиты их от вторичной виктимизации, запугивания и мести. Оно направлено на обеспечение безопасных и высококачественных услуг ВП для людей, ставших потерпевшими в ситуациях уголовных

преступлений (статья 12.1). С одной стороны, такая озабоченность высоким качеством услуг ВП похвальна. С другой, столь пристальное внимание к вопросам безопасности может быть причиной видения ВП как практики, которой стоит опасаться и которая сама по себе представляет опасность. Если бы Европейский Союз действительно всерьёз отнёсся к ВП как полезной для потерпевших практике (пункт 46), то в тексте директивы стоило бы ожидать большего внимания к мерам, направленным на повышение доступности практик ВП для жертв преступлений. Это особенно важно, учитывая, что недостаточная доступность практик ВП является одним из основных препятствий для дальнейшего развития ВП в большинстве европейских стран.

Уровень доступности практик ВП можно повышать разными способами, и нужно признать, что определенные шаги всё же предприняты в рамках данной Директивы. Возможность получения информации об услугах ВП при первом же контакте с компетентными органами (Статья 4.1 (j)) должна поспособствовать тому, что большее количество людей будет знать о существовании такого рода практик. Указание на то, что самого по себе факта признания своей причастности к фактической стороне дела достаточно для запуска программы ВП (вместо строгого требования признания вины), расширяет сферу дел, по которым может быть проведена программа ВП. Кроме того, проведение для специалистов системы уголовного правосудия тренингов по вопросам потребностей жертв преступлений может способствовать большей осведомленности о том, что важно для потерпевших, и приводить к более открытому и позитивному от-

ношению к ВП. Однако существует ряд других вопросов, имеющих решающее значение для повышения уровня доступности практик ВП, которые не были освещены в данной директиве: общая доступность услуг ВП, вопрос бесплатных услуг, вопрос самостоятельного обращения за услугами ВП, а также проведение программ ВП по делам разной квалификации – как для взрослых, так и для несовершеннолетних жертв и обидчиков.

В настоящее время в некоторых странах прокурор принимает решение о том, направлять ли дело на программу ВП, опираясь на критерий, установленный законом. И несмотря на то, что и потерпевшие, и правонарушители сами имеют возможность обратиться за услугами ВП, получают ли они возможность воспользоваться этими услугами, будет полностью зависеть от того органа, который будет рассматривать их заявления на эту услугу.

Наконец текст директивы оставляет ГЧ возможность ограничивать реализацию услуг ВП определёнными стадиями уголовного судопроизводства, исключать определённые типы преступлений и/или проводить программы ВП только с участием определённых групп правонарушителей, например только с несовершеннолетними, но не со взрослыми. Действительно, статья 12.2 устанавливает что «ГЧ должны содействовать передаче на программы ВП тех дел, которые рассмотрены и признаны как подходящие». С точки зрения прав жертв и с учётом высокого уровня удовлетворённости потерпевших своим участием в программах ВП такая формулировка представляется как не способствующая более широкому развитию ВП в ближайшие годы.

В подготовительных документах, выработанных комиссиями, ставились очень амбициозные задачи. Одной из пяти мер по удовлетворению ключевых потребностей жертв преступлений было «обеспечение жертв доступом к возможности компенсации и восстановления вреда». В ходе дальнейшей работы были представлены разные концепции того, как эта цель может быть достигнута, в числе которых были как концепции, отличающиеся высоким уровнем накладываемых на ГЧ обязательств, так и противоположные. В соответствии с той концепцией, которая основана на самых строгих требова-

Концепция, носящая скорее рекомендательный характер, не предлагает никаких требований по развитию услуг ВП, но отмечает, что ГЧ «должны обеспечить реализацию мер безопасности и соблюдение минимальных стандартов качества». В итоге, с учетом факторов политической целесообразности и финансовых издержек, именно этот последний вариант был принят в качестве рабочего. В отчёте ВП расценивалось как один из самых противоречивых и дорогостоящих вопросов, особенно для тех ГЧ, в которых ВП вообще не существует как практики. Выбор в пользу концепции, носящей рекоменда-

Недостаточная доступность практик ВП является одним из основных препятствий для дальнейшего развития ВП в большинстве европейских стран

ниях, «ГЧ должны сделать услуги ВП (включая как минимум медиацию и семейные групповые конференции) доступными для всех потерпевших, с учетом мер безопасности в соответствии с базовыми принципами ООН по использованию программ ВП в уголовных делах».

тельный характер относительно практик ВП, «должен облегчить политическую приемлемость и повысить вероятность принятия стандартов директивы».

Краткое резюме оценки результатов, SEC(2011) 581 окончательный вариант, стр. 5.

Оценка результатов, SEC(2011) 580 окончательный вариант, стр. 29.

Краткое резюме оценки результатов, SEC(2011) 581 окончательный вариант, стр. 7 и оценка результатов, SEC(2011) 580 окончательный вариант, стр. 44.

Оценка результатов, SEC(2011) 580 окончательный вариант, стр. 35.

Заключение

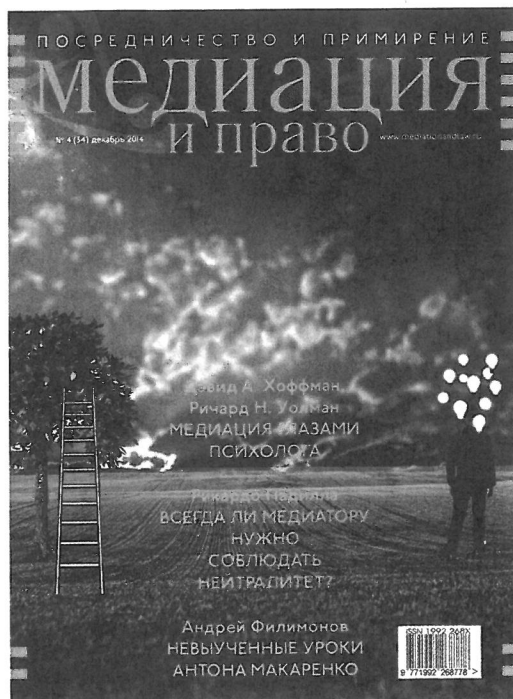
Директива Евросоюза о правах жертв от 2012 года, которая замещает рамочное решение о статусе жертв в уголовном судопроизводстве, представляется более ясным документом в вопросе ВП, чем предшествующий ему документ – Рамочное решение от 15 марта 2001 года о статусе жертв в уголовном процессе. Признание преимуществ ВП для жертв преступлений и внимание к мерам безопасности

в реализации практик ВП заслуживают всяческого одобрения. Однако в вопросах повышения уровня доступности услуг ВП для жертв преступлений содержание директивы оставляет желать лучшего. Несмотря на то, что какое-то внимание уделено предоставлению информации о ВП и обучению специалистов системы уголовного правосудия, другие важные аспекты всё же остаются незатронутыми: общая доступность услуг ВП, вопрос бесплатных услуг, вопрос са-

мостоятельного обращения за услугами ВП, а также проведение программ ВП по делам разных типов. В том случае, если у ЕС есть серьезные намерения признать преимущества ВП для жертв преступлений, то в ближайшие годы он должен занять более четкую позицию по этому вопросу. В противном случае велик риск, что ограниченная доступность и маргинальность практик ВП так и будет оставаться основным препятствием для его дальнейшего развития в Европе. ●

Список литературы

- Aertsen, I. (2004). Slachtofferdader bemiddeling. Een onderzoek naar de ontwikkeling van een herstelgerichte strafrechtsbedeling. Leuven: Leuven University Press.
- Blackstock, J. (2012). Protecting victims: EU competences and mechanisms for safeguards. Paper presented at the symposium 'Legal perspectives on the victim', Nottingham Trent University, 19 December 2012.
- Buczman, R. (2013). An overview of the law concerning protection of victims of crime in the view of the adoption of the Directive 2012/29/EU establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime in the European Union. ERA Forum, 2, 235-250.
- Doak, J. & Taylor, L. (2013). EU tools for the protection of victims of serious and organized crime.
- In S. Ruggeri (ed.), Transnational inquiries and the protection of fundamental rights in criminal proceedings (pp. 345-353). Heidelberg: Springer-Verlag.
- Lauwaert, K. (2008). Herstelrecht en procedurele waarborgen. Antwerp: Maklu.
- Lauwaert, K. (2011). Het beleid van de Europese Unie inzake slachtoffers van misdrijven. Een nieuw elan op komst? Panopticon, 2, 84-91.
- Pemberton, A. (2003). The 'active' victim and restorative justice: a victim support view on restorative justice and mediation. In F. Moyano Marques & F. Farr (eds.), Protection and promotion of victims' rights in Europe (pp. 247-257). Dike International Seminar, Lisbon: APAV.
- Pemberton, A. & Groenhuijsen, M. (2012). Developing victims' rights within the European Union: past, present and future. In H. Morosawa, J. Dussich & G. Kirchhoff (eds.), Victimology and human security: new horizons (pp. 535-559). Nijmegen: Wolf Legal Publishers.
- Stutzman Amstutz, L. (2004). What is the relationship between victim service organizations and restorative justice? In H. Zehr & B. Toews (eds.), Critical issues in restorative justice (pp. 85-94).
- Cullompton: Willan. Vervoir, A. (2008) Arrêts n° 49/2008 et n° 50/2008 du 13 mars 2008 de la Cour constitutionnelle.
- La montagne a accouché d'une souris... Journal du droit des jeunes, 274, 30.

№ 4 (34) декабрь 2014

4	Слово редактора
	Urbi et orbi
6	Новости медиации
	Credo Experto
14	Дэвид А. Хоффман и Ричард Н. Уолман
ПСИХОЛОГИЯ МЕДИАЦИИ
	Трудные вопросы
52	Рикардо Падилла
СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРОТИВ НЕЙТРАЛЬНОСТИ
	Черты закона
62	Катрин Лауварье
ТРУДНЫЙ ШАГ НА ПУТИ
К ВОССТАНОВИТЕЛЬНОМУ ПРАВОСУДИЮ
	Рецепты из Гарварда
74	ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНФЛИКТЕ
	Новая реальность
82	Андрей Полонский
ФИОЛЕТОВЫЕ НЕБЕСА
Технологическая сингулярность
и человеческие дела
	Мир в человеке
87	Андрей Филимонов
ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ЕРЕТИКЕ
Жизнь и наследие Антона Макаренко
96	Парадоксы с последней страницы

ПОСРЕДНИЧЕСТВО И ПРИМИРЕНИЕ

МЕДИАЦИЯ и право

№ 4 (34) декабрь 2014

www.mediationandlaw.ru

Дэвид А. Хоффман,
Ричард Н. Уолман
МЕДИАЦИЯ ГЛАЗАМИ
ПСИХОЛОГА

Рикардо Надилла
ВСЕГДА ЛИ МЕДИАТОРУ
НУЖНО
СОБЛЮДАТЬ
НЕЙТРАЛИТЕТ?

Андрей Филимонов
НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ
АНТОНА МАКАРЕНКО

